
Результаты Загорского эксперимента с точки зрения философии конкретного идеализма (Флоренский versus Ильенков)

© 2019 г. Р.Р. Вахитов

Башкирский государственный университет, Республика Башкортостан, Уфа, 450076, ул. Заки Валиди, д. 32; Уфимский государственный нефтяной технический университет, Республика Башкортостан, Уфа, 450062, ул. Космонавтов, д. 1.

E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Поступила 15.01.2019

Статья посвящена обсуждению Загорского эксперимента. Показывается, что философская интерпретация Загорского эксперимента Э.В. Ильенковым была направлена не только против вульгарно-материалистической, но и против религиозно-идеалистической концепции психики и сознания. Ильенков доказывал, что не слово, речь пробуждают мышление, а дело, практика. Однако в эксперименте участвовала не только знаменитая «четверка», а около 50 детей-инвалидов. При этом высокой степени социализации достигли лишь те участники эксперимента, кто до него владел речью. В статье предпринимается попытка объяснить это с позиций философии конкретного идеализма П.А. Флоренского.

Флоренский определял человека как существо, строящее орудия. Он выделял грубо-материальные орудия – инструменты, и воздушно-идеальные орудия – слова и понятия. Понятия содержатся и в материальных орудиях. Ильенков прав, что человек может «извлекать» понятия из орудий, а не только из языка. Но слово представляет собой гораздо более удобную и органичную среду для диалектической мысли. Настоящее диалектическое мышление возможно только с использованием языка, в рамках же инструментальной деятельности оно затруднено. Не случайно Загорский эксперимент показал, что обучение обращению с инструментами дает ребенку элементарные навыки, но без слова он не может приобщиться к высокой культуре.

Ключевые слова: Загорский эксперимент, язык, практика, материализм, идеализм, Ильенков, Флоренский, инструменты, орудия, понятия, слова.

DOI: 10.31857/S004287440006053-3

Цитирование: *Вахитов Р.Р.* Результаты Загорского эксперимента с точки зрения философии конкретного идеализма (Флоренский versus Ильенков) // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 158–167.

Results of the Zagorsky Experiment in Terms of the Philosophy of Concrete Idealism (Florensky versus Ilyenkov)

© 2019 г. Rustem R. Vakhitov

Bashkir State University, 32, Zaki Validi str. Ufa, 450076, Russian Federation; Ufa State Petroleum Technical University (USPTU), 1, Kosmonavtov str., Ufa, 450062, Russian Federation.

E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Received 15.01.2019

The article is devoted to the discussion of the Zagorsky experiment. It is shown that the philosophical interpretation of the Zagorsky experiment by E.V. Ilyenkov was directed not only against the vulgar-materialistic, but also against the religious-idealistic concept of the psyche and consciousness. Ilyenkov argued that it was not the word, the speech that awakened thinking, but the work, the practice. However, not only the famous four deafblind teenagers participated in the experiment, but about 50 disabled children. At the same time, only those participants in the experiment who owned the speech reached a high degree of socialization. The article attempts to explain this from the standpoint of the philosophy of a particular idealism of priest Paul Florensky.

Florensky defined man as a creature building tools. He singled out rough-material tools – tools, and air-ideal tools – words and concepts. Concepts are contained in the material tools. Ilyenkov is right that a person can “extract” them from them, and not just from the language. But the word is a much more convenient and organic medium for dialectical thought. Real dialectical thinking is possible only with the use of language, but within the framework of instrumental activity it is difficult. It is not by chance that the Zagorsky experiment showed that learning how to use tools gives a child elementary skills, but without a word he cannot join high culture.

Key words: Zagorsk experiment, language, practice, materialism, idealism, Ilyenkov, Florensky, tools, tools, concepts, words.

DOI: 10.31857/S004287440006053-3

Citation: Vakhitov, Rustem R. (2019) “Results of the Zagorsky Experiment in Terms of the Philosophy of Concrete Idealism (Florensky versus Ilyenkov)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2019), pp. 158–167.

«Всякая деятельность осуществляется и проявляется через свои орудия и сама может быть определена как деятельность орудие – строительная, сам же человек – деятель – как ζῷον τεχνικόν, как существо, строящее орудия»
П. А. Флоренский, «Философия культа»

Об удаче и неудаче Загорского эксперимента

Загорский эксперимент до сих пор вызывает жаркие споры среди философов, психологов и историков философии и психологии [Пушаев 2013^a; Пушаев 2013^b]. И это неудивительно: ведь теоретическая проблема, которую пытались решить руководители Загорского эксперимента: Ильенков, Мещеряков и другие относится к

вечным проблемам человечества — что такое мышление? сознание? человеческая личность? каковы условия их формирования и развития? Напомним, что суть эксперимента состояла в том, что слепоглухих ребят — воспитанников Загорского (Сергиево-Посадского) интерната для слепоглухих детей (около 50 человек разного возраста, находившихся на разных стадиях интеллектуального развития и имевших разную степень поврежденности функций зрения и слуха [Мещеряков 1974, 3]) в течение 1963–1970 гг. обучали по специальной программе, концептуальные основы которой разработали педагоги-дефектологи И.А. Соколянский и А.И. Мещеряков, а теоретическую интерпретацию им дал философ-марксист Э.В. Ильенков. Основная идея Ильенкова состояла в том, что орудийная, практическая деятельность (навыки самообслуживания, труд или игра), а не речь, язык первичны, лежат в основе мышления и, значит на практике должно основываться воспитание ребенка, превращение его в существо мыслящее, творческое, полноценно реализующее себя в социуме (мы сейчас не станем обсуждать, насколько это соответствовало первоначальным установкам Соколянского и Мещерякова). Человек — существо, делающее орудия труда, а не просто мыслящее или говорящее, и без орудий труда он не может стать самим собой, человеком, творцом мира культуры. Ильенков утверждал, что именно через мир культуры, и не только духовной, но и материальной мы получаем основные понятия для нашего мышления и поэтому следует все начинать с обучения пользоваться предметами материальной культуры. Суть эксперимента и состояла в проверке этого тезиса.

Очевидно, острие критики Ильенкова было направлено не столько на позитивистско-биологизаторскую трактовку мышления (хотя именно с ней, в лице ее адептов Д.И. Дубровского и И.С. Нарского, Ильенкову и ильенковцам пришлось бороться), сколько на христианскую философскую антропологию и психологию. Не единожды Ильенков заявлял, что его концепция и результаты Загорского эксперимента опровергают учение о нематериальной душе, которая изначально, с момента зачатия «находится» в человеке и является субъектом мышления, интуиции и фантазии. Ильенков был убежден, что он доказал: «душа», то есть способность мыслить, представлять, чувствовать не «спит» в младенце, чтобы быть «разбуженной» воспитателями, а «с нуля» формируется под воздействием факторов внешней среды, воспитания в человеческом обществе. Так что никакой вечной, бессмертной души, о которой говорит религия, якобы нет, а есть лишь человек как существо, формируемое социумом, человек как «мыслящее тело». Ильенков не останавливался перед тем, чтобы прямо полемизировать с Библией и открыто называть ее утверждения заблуждениями. Послушаем его слова: «На ваших глазах умирает легенда о пробуждении души силой Слова. Рушится старинный евангельский тезис: «Вначале было Слово и Слово было Бог» [Ильенков 2018, 251].

В советские времена не могло быть и мысли о том, чтоб религиозные философы-идеалисты ответили на критику Ильенкова. Собственно, им никто и не предоставил бы возможности выступить с нею в официальной печати (разве что полунамеками, с использованием «эзопова языка»). Позднее же, когда времена изменились и такие выступления стали уже возможными, интерес к Загорскому эксперименту в обществе угас.

Впрочем, недавно произошла определенная подвижка в этом направлении. В журнале «Вопросы философии» вышел цикл статей Ю.В. Пушаева, посвященных результатам Загорского эксперимента. Проанализировав сам эксперимент, его «каноническую версию», созданную ильенковцами, и его критику со стороны Дубровского и его сторонников, Пушаев приходит к следующим выводам. Загорский эксперимент дал очень много для философии, педагогики и дефектологии (не говоря уже о его гуманистическом аспекте). Ряд наработок Ильенкова и Мещерякова гениальны и, несомненно, истинны. Сам факт того, что четыре слепоглухих подростка закончили школы, поступили в университет и успешно завершили обучение, поражает. Но в целом, Пушаев все же оценивает эксперимент как неудачу, поскольку декларируемая им цель достигнута не была (а значит, победные реляции Ильенкова о поражении религиозного взгляда на психику были, как минимум, преждевременны). И дело не только в том, что все четыре «чудо-подростка» имели остаточные зрение и слух,

на что указывали пристрастные позитивистские враги Ильенкова. Как известно, Ильенков не скрывал это, не придавая этому обстоятельству большого значения. Он исповедовал концепцию «нуля психики» и считал, что даже родившиеся зрячеслышащими, после утери чувственной связи с миром, деградируют до элементарного уровня. Дело совсем в другом; Пушаев указывает на то, что *остальных участников эксперимента – а их было около 50! – так и не удалось обучить речи и уж тем более формам высокого творчества при помощи обучения орудийной деятельности*. В лучшем случае они овладевали навыками самообслуживания и простейшими жестами. О том, чтобы они выучили высшую математику или физику, даже речи не шло. А ведь многие из них как раз были слепоглухими с рождения, без остаточных слуха и зрения, которые идеально подходили под условия эксперимента (Мещеряков и Ильенков утверждали, что полная слепоглухота позволяет лучше проследить формирование человеческой психики). Причем, это неудача закономерна и вполне согласуется с мировым опытом в данной области. Пушаев пишет: «...формирование практических навыков и практического интеллекта не является достаточным условием для возникновения полноценного человеческого интеллекта как такового, как думали Ильенков и Мещеряков. Решающим обстоятельством тут все-таки является овладение словесным языком. Очень многие слепоглухие от рождения люди овладевают бытовыми и иными предметно-практическими навыками, но, как правило, на этом их развитие так и останавливается, они так и не поднимаются на «ступеньку» языка и, соответственно, не получают возможности вступить в мир человеческой культуры, ее высших достижений» [Пушаев 2013⁶]. Получается, все же Библия, сторону которой Пушаев защищает в этом споре, права и сначала Слово, и лишь потом – дело ...

Это, на наш взгляд, совершенно верно высказывание Пушаев в своей статье не объясняет. Впрочем, он и цели такой перед собой не ставил, поскольку стремился, прежде всего, описать эксперимент и разобраться с полемикой сторонников «канонической версии» и их противников. Вместе с тем, полагаем, объяснение это есть и его можно найти в учение русского религиозного философа Серебряного века, мыслителя, называвшего свое учение конкретным идеализмом, Павла Александровича Флоренского. [Половинкин 1989; Павлюченков 2012; Резниченко 2012]. Кстати, о. Павел Флоренский тоже до 1933 г. жил в Сергиевом Посаде (который в 1930 году был переименован в Загорск). Если бы он не погиб в эпоху сталинских репрессий, то в 1960 году, когда в Загорске открылся специализированный интернат, ему было бы 78 лет. Гипотетически можно представить 78-летнего священника о. Павла, заинтересовавшегося проблемами воспитания слепоглухих детей, особенно, если учитывать широту интересов этого мыслителя, которого не случайно называли «человеком Возрождения»... И также гипотетически можно представить и разговор между Ильенковым и Флоренским. При всем его неприятии религии Ильенков – кстати, внук православных священников и по отцовской, и по материнской линиям, а также сын недоучившегося семинариста – отзывался на выступления «с той стороны»; так, общеизвестен его ответ некоему «христианину Григорию». Почему бы не предположить, что Флоренский написал бы ему, а Ильенков ответил печатно или даже устно, при личной встрече, коль скоро отец Павел жил неподалеку, так что можно было даже пойти пешком?

При этом Флоренскому, действительно, было что возразить на рассуждения советского философа. У о. Павла Флоренского была интереснейшая концепция орудийной деятельности человека, изложенная им в «Философии культа». Она во многом перекликается с марксизмом и в частности с концепцией Ильенкова, но при этом, на наш взгляд, преодолевает их односторонность и позволяет по-своему оценить результаты Загорского эксперимента. В этой статье я попробую представить, каким бы был возможный ответ на ильенковскую интерпретацию Загорского эксперимента с позиций философии конкретного идеализма. Ответ, который бы объяснял, почему Загорский эксперимент все же в конечном счете не удался и большая часть ребят, в нем участвовавших, так и не прошли путь, который, по Ильенкову, начинался с умения есть ложкой, а заканчивался прикосновением к творчеству Шекспира.

Концепция орудийной деятельности Флоренского и развитие человека

Флоренский за исходный пункт берет тезис, с которым не будет спорить ни один марксист — что человек есть существо, строящее орудия, «зоон техникон». Но позиция Флоренского шире марксистской: орудия, которые использует человек в своей жизненной деятельности, не сводятся к инструментам — молоткам, клещам, рубанкам, станками и т.д. Есть и другие орудия — «воздушные» и вовсе нематериальные, это — слова и понятия. Если при помощи материальных орудий человек трудится, превращает «первую природу» во «вторую» — в культуру, то при помощи воздушных и идеальных орудий человек мыслит — творит произведения философии, литературы и т.д. Священник-философ пишет: «Когда мы говорим слово о р у д е, то ближайшим образом припомнимся нам молоты, пилы, плуги или колеса и тому подобное — словом, в грубейшем смысле слова материальные орудия технической культуры <...> Инструменты — наиболее веское — буквально проявление орудия строительной деятельности. Но есть и другой род орудий, *наименее материальных* (курсив мой — Р.В.), в о з д у ш н ы х, если выразиться точно и буквально, однако ничуть не менее могучих; это суть — с л о в а — в особенности — оформленные технически понятия и термины. Слово, «воздушное ничто», есть, однако, орудие мысли, *без коего мысль не раскрывается и не осуществляется* (курсив мой — Р.В.). Не в переносном смысле, а в самом точном слова есть орудия» [Флоренский 2004, 52]. Далее, в «Философии культа» Флоренский доказывает, что и орудия-инструменты, и орудия-понятия восходят к единому корню, в котором соединяются практика и деятельность, материя и смысл — орудиям культа. Культ при этом называется «зерном истинной человечности», «почкой цельности духовной», «бутоном культуры» и провозглашается связь всех форм культуры с культом. Но мы не будем подробно касаться этого, вообще-то весьма важного аспекта концепции Флоренского, потому что в «мире Ильенкова» культа в чистом виде нет (Флоренский писал, что в атеистическом мировоззрении отдаленным аналогом культа является искусство, так что труд и наука в высших своих появлениях стремятся превратиться в искусство, в котором противоположность между ними будет снята [Флоренский 2004, 56]. Интересно, что по Ильенкову так и есть: истоки идей Маркса он ищет не только в буржуазной политэкономии и философии, но и в творчестве Шекспира).

Мы обратимся к соотношению трудовой, практической деятельности, в которой используются инструменты и теоретической, рациональной деятельности, в которой используются понятия. В работе «У водоразделов мысли» Флоренский отмечает: «... содержание разума ... термины и их соотношения ... орудия — не что иное, как материализованные термины и потому между законами мышления и техническими достижениями могут быть усматриваемы постоянные параллели ... » [Флоренский 2000, 379–380]. Это, кажется, ясно: создавая орудия-инструменты, человек воплощает в них определенные замыслы и понятия и наоборот, используя орудия-инструменты в процессе практического освоения мира, человек «извлекает» оттуда эти замыслы и понятия и включает их в контекст самого мышления. Иными словами, Флоренский отчасти мог бы согласиться с Ильенковым в том, что человек может получать некие всеобщие понятия, не выводимые из индивидуального опыта, через предметы культуры и прежде всего, орудия труда или инструменты (далее, впрочем, мы покажем, что по Флоренскому одного этого недостаточно для творческого мышления, которое немислимо без словесных орудий — языка). Инструменты в своей совокупности предстают при этом как таблица всеобщих понятий, категорий, выработанных развитием человечества, а не взятых из частного опыта, в котором их и не может быть. Любопытно бы, кстати, сделать таблицу соответствия инструментов и категорий! К примеру, очевидно, категориям тождество и различие должны соответствовать весы и линейки, категориям часть и целое — топоры, пилы, ломы, а категории «движение» — разного рода тачки и тележки.

Без всеобщих понятий, категорий невозможно мышление в подлинном человеческом смысле слова; ведь мышление, Ильенков верно определяет как «... способность сопоставлять данный, единичный, индивидуальный опыт с опытом рода. Или схватывать единичное в контексте всеобщего, всеми людьми накопленного знания и опыта, с точки зрения общечеловеческого опыта вообще» [Ильенков 2018, 183].

Ильенков конкретизирует, что орудие труда воплощает в себе всеобщую форму того материала, для обработки которого оно было создано. Собственно, об этом писал уже Гегель в лекциях 1805/1806 гг.: «В орудии или в обработанной, сделанной плодородной пашне я владею возможностью, содержанием как содержанием всеобщим. Поэтому орудие, средство превосходнее цели возделания, цели единичной; орудие охватывает всякую единичность» См. [Лукач 2002 web]. Строго говоря, с этим трудно поспорить. Молоток предназначен для того, чтобы пробивать материал, который не является ни слишком твердым (в камень нельзя забить гвоздь), ни слишком мягким, вязким или текучим (в кисель тоже не забьешь гвоздь), ни слишком колким (в стекло тоже не забьешь гвоздь). Материал, в который забивают гвозди молотком, должен быть цельным, но пористым и сохранять свою цельность, даже когда в него вторгается инородное тело. Он может расплющиться, но он не должен колотиться или течь. Можно сказать, что молоток воплощает в себе всеобщую форму такого материала, причем, не какого-либо конкретного, например, дерева, а какого угодно, отсюда и всеобщность этой формы. По Ильенкову, если бы первобытный человек не придумал первый каменный молоток, воплощающий всеобщее понятие «целостность», то не возникло бы понятие «целостности» в геометрии.

Итак, согласно советскому философу, мы получаем всеобщие понятия через материальную практику, труд, и именно труд связывает наш индивидуальный опыт с опытом и культурой человечества и, значит, позволяет нам мыслить. Это и является истоком твердой уверенности Ильенкова в том, что слепоглухого ребенка нужно сначала обучить практическим, трудовым навыкам (и тем самым передать ему базовый набор всеобщих понятий, необходимых для мышления), а уж потом обучать его облекать эти понятия в слова. И вот здесь начинается расхождение конкретного идеализма с теорией Ильенкова.

Понятия в материальных инструментах и в словах

Флоренский писал, что совершенно не случайно инструмент или машину мы воспринимаем как просто материю, и не видим в них логоса, который нужно выводить путем умозаключения, тогда как со словами и тем более понятиями все обстоит иначе — наличие в них идеального очевидно [Флоренский 2004, 53]. Флоренский идет дальше и отмечает, что изготовление орудий труда напоминает процесс формально-логического определения и прямо соотносит орудийную деятельность не с каким-нибудь иным, а с логическим определением: «...что такое орудие?<...> Это—твердое вещество, которому придана известная форма. Следовательно, если деятельность разума есть проектирование орудий, то предметом мысли бывает твердое и органическое тело. <...> Термино-образовательная деятельность есть внутренняя сторона орудие-строительной... изготовление орудий заключается в вырезывании из твердого вещества частей его, то есть в обособлении некоторых частей вещества. Точно так же и деятельность мысли состоит в обособлении некоторого содержания, в «вырезывании» или «выкраивании» его... из окружающей среды. Иначе говоря, деятельность мысли состоит в определении. И притом вырезаемое должно быть твердо, неизменно, неподатливо, удерживающим свою форму ...Говоря логическим языком, оно должно удовлетворять законам тождества, противоречия и исключенного третьего <... > И вот, то, что вырезаем мы в беспредельном поле мысли своей, есть как бы форма твердого орудия, то есть проект его. Эта-то форма и есть термин» [Флоренский 2000, 381–382].

Значит ли это, что Флоренский считал: в орудиях труда, в грубо вещественных предметах культуры воплощены только лишь формально-логические понятия? Вряд ли это так. Священник-философ сам указывал на то, что орудия — инструменты, направленные на созидание материальных ценностей противоположны оружию — инструментам, созданным для защиты этих ценностей или наоборот для посягательства на них, но они имеют при этом общий корень: «из заостренной палки для выкапывания съедобных корней вырабатывается с одной стороны, колющее оружие, с другой — заступ и плуг» [Флоренский 2004, 62]. Так что, собственно, они в определенной мере взаимозаменяемы: топором и ножом можно пользоваться и в мирных, и в военных целях. Таким образом,

понятия, которые воплощены в топоре и ноже характеризуются связью противоположностей, а, следовательно, это — диалектические понятия. Кроме того, если мы будем считать, что в инструментах и словах нашли выражения разные понятия; в первых — логические, во вторых — диалектические (и потому человек, который воспитывался на овладении трудом, но не знал языка и не поднимается до высот творчества), станет непонятно, как вообще происходит скачок от дела к слову при воспитании человека? Ведь если не логически, то хронологически действия и вправду предшествуют речи: сначала ребенок научается есть ложкой и одеваться, а уж потом — говорить.

Итак, и в орудиях материальной деятельности, и в словах и понятиях «находятся» диалектические понятия. Почему же тогда в случае инструментов, внедренные внутрь материи понятия так тверды, неподатливы, определены, что Флоренский сближает их с понятиями формальной логики? Мы не должны забывать, что, по Гегелю, логическое мышление — это не отдельный, независимый вид мышления, противоположный диалектическому (или, как он выражался — спекулятивному). Рассудочное, логическое мышление — лишь один из аспектов мышления, которое само по себе, по своей природе диалектично. Поэтому просто ситуация обстоит так, что *в грубо вещественных предметах, созданных мыслящим существом — человеком и, значит, несущих в себе отпечаток диалектической мысли, в силу их грубой вещественности наилучшим образом раскрывается именно этот логический, рассудочный аспект, тогда как в словах — смыслах, сопряженных с тонко-воздушной материей, диалектика раскрывается во всей полноте.* Именно так и считал Флоренский: напомним, что в своем определении слов как орудий мысли в «Философии культа» он говорит: без слова мысль в полной степени «не раскрывается»...

Впрочем, дело не только в этом, но и в другом — в наличии или отсутствии творческого момента в ходе материальной и духовной, инструментальной и языковой деятельности. Материальная практика сама по себе предполагает использование предметов лишь в соответствии с их предназначением, уже заложенным в них строго определенным смыслом, а это исключает творчество, потому что оно как раз строится на выходе за рамки предназначенного, преодоление схем и шаблонов. Собственно, язык, слова именно в силу своей воздушности, подвижности, неопределенности и становятся лоном творчества. Живая, устная речь, как заметил еще Фердинанд де Соссюр, индивидуальна, неповторима, каждый раз новая, то есть речевая деятельность есть деятельность творческая по определению. Что же касается Флоренского, то он тут вообще делает настолько радикальные выводы, что они могут даже шокировать материалиста и атеиста, ведь отец Павел учил, что слово — это живое существо, сотканное из воздушных материй («воздушный организм, сотканный звуковыми волнами» [Флоренский 1990, 259]) и слова способны магически воздействовать на человека. В этом смысле они, безусловно, несравнимы с мертвыми и неодушевленными предметами культуры, пусть это даже и орудия труда. Так что на вопрос о том, может ли использование материальных орудий пробудить в человеке мышление или для этого нужно живое слово, Флоренский однозначно бы ответил, что слово на то и живо и магично, чтобы сделать это...

Как же тогда происходит переход от нетворческой материальной деятельности (не создания предметов культуры, а всего лишь бытового их использования) к творческой словесной деятельности (постоянному созданию речи)? Ведь, как мы уже сказали, Ильенков, вообще-то прав в том, что ребенок прежде чем начать говорить, овладевает ложкой, вилок, научается одеваться, использовать горшок и т.д. Думается, связующим звеном между языком и материальной практикой является игра. Пока ребенок просто ест ложкой, он еще не мыслит творчески и диалектически, он «извлекает» из ложки заложенный в нее другими людьми смысл и следует ему. Когда же он начинает играть, например, воображая, что ложка — самолет, он начинает ее использовать не по предназначению, он сам вкладывает в нее новое назначение. Иными словами, он начинает творить и он готов к переходу на другой интеллектуальный уровень — языковой, где творчество — обыденное явление. Г.-В.Ф. Гегель писал: «...язык делает людей способными постигать вещи как всеобщие <...> Сначала эта

пробуждающаяся самостоятельность выражается в том, что ребенок учится играть с чувственными вещами» [Гегель 1977, 85]. Думаю, Флоренский согласился бы в этом с Гегелем, с той лишь оговоркой, что мышление, которое, по Гегелю, и есть сам Абсолют, для русского философа — лишь одна из двух ветвей расщепившегося целостного единства — культа, в котором присутствует настоящий Абсолют — Бог. Тем не менее, мышление и по Флоренскому выше материальной деятельности, на то Флоренский и идеалист, хоть и не абсолютный как Гегель, а конкретный. По Флоренскому, это девятый вариант схемы способов соотношения человеческой деятельности: S (культ) — N (понятия) — I (инструменты) [Флоренский 2004, 78], что означает, что вырождение культа порождает понятия, которые находят воплощение в инструментах.

Можно усмотреть в этом явное сходство с неоплатонической схемой нисхождения уровней бытия — от сверхбытийного Единого (ему в схеме Флоренского соответствует культ) к чистому бытию — Уму (у Флоренского — понятия), а от Ума — к смеси бытия и материи — Душе, в которой идея преобладает, и, наконец, к природе, в которой уже преобладает материя (у Флоренского — материальные инструменты).

Вспомним, что в диалоге Платона «Пир» рисуется обратный путь — восхождение избранных, которые рождены быть философами, от материальной природы (любви к телам), через Душу (любовь к душам) к Уму (любовь к идеям) и Единому (экстаз слияния со сверхбытием). В определенной мере это схоже с формированием человека как существа мыслящего и творческого, как мы это описывали: ребенок, который учится овладевать вещами, но еще не говорит — ребенок, который играет — ребенок, который говорит. По мере восхождения на каждую новую ступень способность к мышлению раскрывается у ребенка все больше и многоаспектнее. Конечно, фактически вначале было дело, так как вначале ребенок приобретает к опыту человечества, обучаясь пользованию предметами культуры — тут Ильенков прав. Но если бы человек черпал всеобщие понятия лишь из мира грубо-материальных предметов, то пришлось бы предположить, что низшее способно непосредственно породить высшее, что абсурдно. Ильенков предлагает свое разрешение спора о «врожденных идеях», иначе говоря, всеобщих понятиях, которыми, очевидно, человек располагает, но не может вывести их из своего индивидуального опыта. По Ильенкову, каждый отдельный индивид получает эти понятия из материальной культуры, когда научается пользоваться предметами культуры. Ответ, конечно, остроумный, но неудовлетворительный. Возможно это и объясняет появление всеобщих понятий у наших современников, но откуда их взяли тогда наши отдаленные предки — создатели первых предметов культуры?

Согласно Флоренскому, который в этом следует Платону, всеобщие понятия у нас — это действительно, врожденные идеи, или врожденные структуры нашего сознания, которые «сообщаются душе в трансцендентной сфере» [Шапошников 2018, 255]. Но еще Лейбниц доказал, что они — не готовое знание, а потенции понять что-либо, и актуализирует эти потенции речь родителей и воспитателей; ведь даже до того, как ребенок начнет говорить, он понимает хотя бы отдельные слова. Конечно, пользуясь предметами культуры, ребенок тоже мыслит, но ведь и предметы эти для него — материальные вещи, означающие нечто помимо себя, то есть тоже своего рода «слова», а мир этих материальных предметов культуры — своего рода язык (вспомним, как развивавший Флоренского А.Ф. Лосев писал в «Философию имени», что символичен и словесен весь мир, начиная с Бога и кончая низшим уровнем неживых вещей природы). Просто слова как таковые — это смыслы, связанные с легкой, почти невесомой материей, а предметы культуры вроде лопаты или ложки — это тяжелые грубо-овеществленные смыслы. Летучие слова легче подталкивают к мышлению и творчеству, чем грубые вещи. Так что логически, а не фактически все-таки вначале был Логос, слово.

Заключение

Итак, результат Загорского эксперимента можно трактовать в пользу философского идеализма, говорящего, что слово, а не дело, речь, а не практическая деятельность делают человека по-настоящему мыслящим и творческим существом. Это объясняет

и то обстоятельство, что лишь те участники эксперимента, которые потеряли зрение и слух уже в сознательном возрасте (Суворов, Лернер, Корнеева, Сироткин), когда они уже обладали навыками речи, смогли развиваться до очень высокого уровня, предполагающего овладение богатствами духовной культуры (чтение, письмо, знакомство с литературой, философией, способность к научному творчеству или творчеству в сфере искусств). Те же ребята, кто был слепоглухонемым в начале эксперимента, то есть был лишен возможности слышать речь, в результате научения их трудовым практическим навыкам, смогли за собой ухаживать, выполнять простейшую работу, но до уровня творчества не поднялись.

Собственно, и Александр Суворов в одном из своих интервью объяснил успешность своей специализации очень просто – тем, что он потерял слух в достаточно позднем возрасте, когда он уже владел речью, понимал речь других людей и сам мог свободно изъясняться: «Мне крупно повезло в том отношении, что я оглох поздно – в педагогическом смысле. Потеряй я слух одновременно со зрением, мы с вами могли бы и не беседовать сегодня» (https://www.solidarnost.org/thems/sudba-cheloveka/sudba-cheloveka_497.html).

Впрочем, наш воображаемый спор между конкретным идеализмом и диалектическим материализмом, закончившийся воображаемой победой идеализма, вовсе не умаляет значимости материализма и его представителя Ильенкова. Существует такое выражение: перегородки церковей не достигают Царства Небесного. На наш взгляд, выражение безусловно ложное, если применять его к тому, о чем в нем говорится – к религии, но во многом истинное, если отнести его к философии.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук Том 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977 (Hegel G.W.F. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften. Die Wissenschaft des Geistes*. Russian translation).

Ильенков 2018 – *Ильенков Э.В.* Идеальное и реальность. 1960–1979. М.: Канон+, 2018 (Ilyenkov E. *Ideality and Reality*. In Russian).

Лукач 2002 web – *Лукач Георг.* Труд и проблемы телеологии // https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1948/young_hegel/22.htm (Lukács G. *Der junge Hegel. Ueber die Beziehungen von Dialektik und Oekonomie*. Russian translation).

Мещеряков 1974 – *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети: развитие психики в процессе формирования поведения М., «Педагогика», 1974 (Meshcheryakov A.I. *Deafblind children. Psychic Development in the Process of Behavior Formation*. Pedagogika, Moscow, In Russian).

Половинкин 1989 – *Половинкин С.М.* П. А. Флоренский: Логос против хаоса. М.: Знание, 1989 (Polovinkin S. P. A. *Florensky: Logos against Chaos*. In Russian).

Флоренский 1990 – *Флоренский П.А.* Том 2. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990 (Florensky P. *The Magic of the World*. In Russian).

Флоренский 2000 – Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Том 3 (1) М., 2000 (Florensky P. *At the Watersheds of Thought*. In Russian).

Флоренский 2004 – *Флоренский П.А.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) М.: Мысль, 2004 (Florensky P. *Cult, Religion and Culture*. In Russian).

Ссылки – References in Russian

Павлюченков 2012 – *Павлюченков Н.Н.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского: антропологический аспект. М.: ПСТГУ, 2012.

Пуцаев 2013^a – *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) История Загорского эксперимента // Вопросы философии. № 3. 2013. С. 132–147.

Пуцаев 2013^b – *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Была ли фальсификация? (II) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 124–134.

Резниченко 2012 – *Резниченко А.И.* О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Регнум, 2012

Шапошников 2018 – *Шапошников Л.Ю.* Русская религиозная философия. Конец XIX – начала XX века. Ведущие представители. М.: Юрайт, 2018

References

- Pavlyuchenkov, Nikolai N. (2012) *Religious and Philosophical Heritage of the Priest Paul Florensky: Anthropological Aspect*, PSTGU, Moscow.
- Pushchaev, Yuriy V. (2013^a) "History and Theory of the Zagorsky Experiment. Beginning (I)", *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2013), pp. 132–147,
- Pushchaev, Yuriy V. (2013^b) "History and Theory of the Zagorsky experiment. (II)", *Voprosy filosofii*, Vol. 10 (2013), pp. 124–134,
- Reznichenko, Anna I. (2012) *About the Meanings of Names: Bulgakov, Losev, Florenskij, Frank et dii minores*, Regnum, Moscow.
- Shaposhnikov, Lev Y. (2018) *Russian Religious Philosophy. Late XIX – Early XX Century. Leading Representatives*, Yurajt, Moscow.

Сведения об авторе

ВАХИТОВ Рустем Ринатович – кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета и Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Author's information

VAKHITOV Rustem R. – CSc in Philosophy, associate professor of Bashkir State University and Ufa State Petroleum Technical University.